

¹⁸ Татарское влияние на народы Волжско-Уральского региона было достаточно сильным. Ярким примером этого может послужить судьба этнической группы мордвы – каратаев, которые подверглись фактически полной ассимиляции. Аналогичные процессы происходили среди удмуртов и марийцев (*Klima L. Zalánkeméni Kakas István. Utazás Perzsiába a Volga vidékén át // Permieik, finnek, magyarok. Bp., 2004. P. 156*).

Т. Д. Рубанова

СОЦИОПРОСТРАНСТВЕННЫЕ СТРУКТУРЫ В ИСТОРИКО- БИБЛИОТЕЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Проблемы выбора территориальных рамок в историко-библиотечных исследованиях долгое время не существовало. Историко-библиотечная наука начала формироваться более ста лет назад и изначально рассматривалась как важная, неотъемлемая, а подчас и единственная составная часть библиотековедения. Тем не менее, вопросы выбора территориальных границ исследования ни в явной, ни в скрытой форме не формулировались библиотечными историками.

Связано это было с тем, что долгое время региональные аспекты истории библиотек оставались на периферии науки. Предметом научного исследования выступала либо макроистория (история библиотечного дела в России, в которой библиотечная жизнь регионов практически не присутствовала или была представлена крайне скупо и фрагментарно), либо локальная история библиотек одного города, либо микроистория крупнейших библиотек (Императорская публичная библиотека и Библиотека Академии наук, Библиотека Румянцевского музея, библиотека Московского университета).

Лишь во второй половине XX века, когда В. Е. Васильченко и К. И. Абрамовым были опубликованы обобщающие труды по истории библиотечного дела в России, в которых были обозначены основные этапы становления отечественного библиотечного дела, выявлены их количественные и качественные характеристики, историко-библиотечное знание стало «прирастать», конкретизироваться, дополняться региональными историко-библиотечными исследованиями. Ракурс исторических исследований начал постепенно меняться. Стала формироваться культурная и историческая традиция изучения русской провинциальной библиотечной истории.

Попробуем выяснить, какие социопространственные структуры избирают историки библиотечного дела. Хотя диапазон жанров историко-библиотечных публикаций широк и разнообразен, остановимся на диссертационных исследованиях как наиболее завершенной форме, квалификаци-

онные требования к которой четко и однозначно сформулированы Высшей аттестационной комиссией. Обратимся к электронной библиотеке диссертаций Российской государственной библиотеки. Анализ полученных данных о диссертациях по специальности 05.25.03, защищенных за последние пять лет, позволил сделать следующие выводы.

Во-первых, выяснилось, что, вопреки расхожему мнению об активизации историко-библиотечных исследований, было защищено сравнительно мало диссертаций исторической проблематики. Всего в электронной библиотеке диссертаций отражено 117 диссертаций, из них 26 имеют ярко выраженный исторический компонент (22 %). Однако в это число вошли и диссертации по истории книги, книжного дела. Собственно историко-библиотечных диссертаций было всего 6 (5%). Так как количество диссертаций явно незначительно, было решено расширить границы поиска за счет включения историко-книжных исследований, авторы которых также сталкиваются с проблемой выбора территориальных границ исследования.

Продолжая анализ выявленных диссертаций исторического профиля, исключим из списка диссертации, выполненные на общероссийском материале и материале зарубежных стран. Оставшиеся 10 диссертаций в своих названиях содержат указание на определенные территориальные границы, то есть мы можем их рассматривать как историко-региональные исследования.

Второй вывод касается собственно выбора и обоснования территориальных границ исследования. В региональных исследованиях по отечественной истории сложилась научная традиция четкого определения и тщательного обоснования территориальных границ, которые, как правило, совпадают с границами административно-территориальных делений (губерний, областей и т.д.), существовавших в период, соответствующий хронологическим рамкам исследования. Этот традиционный для историков подход к определению территориальных границ в соответствии с границами административно-территориальных делений, используется и в некоторых исследованиях истории книжного и библиотечного дела (например, в работах Ю. В. Жукова «Книжная культура Орловской губернии конца XVIII – начала XX вв.» и Т. А. Камскова «Народные библиотеки как явление культуры: На примере Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX вв.»). Однако подобный подход встречается довольно редко.

Причина этого кроется, на мой взгляд, в значительном хронологическом охвате большинства исторических исследований по нашей научной специальности (в отличие от диссертационных исследований по отечественной истории, которые, как правило, более точно изучают историю регионов). В ситуации изучения истории значительного временного про-

межутка бытования книги и деятельности библиотек исследователь сталкивается с проблемой многократных административных переделов территории. С. А. Тархов в статье «Историческая эволюция административно-территориального и политического деления России»¹ выделяет 12 этапов эволюции систем административно-территориального деления в стране, начиная с первой петровской реформы 1708 г. и заканчивая постсоветской административно-политической регионализацией 1990-х гг. Некоторые из этих этапов приводили к коренным изменениям сетки административно-территориального деления, выразившимся в изменении границ, единиц первичных территориальных ячеек (уездов, районов), количестве населения. Георгий Лаппо, сопоставляя площади дореволюционных губерний с одноименными сегодняшними областями, приводит следующие данные: «У 10 единиц первого порядка (то есть областей, краев или республик) площади уменьшились менее чем на 25%, еще у 10 – на 25–50% и у 16 – на 50–80%. Территория Астраханской области составляет сейчас всего лишь 19% от территории бывшей Астраханской губернии»².

В этом случае исследователь стремится решить проблему, используя для обозначения изучаемой территории устоявшиеся территориальные обозначения природно-географического характера. Примеров такого рода среди историко-региональных исследований по специальности 05.25.03 большинство (работы И. В. Лизунова «Книга в послевоенной Сибири: издание, распространение и использование, 1946 – 1953 гг.» и Т. Д. Рубанова «Земская концепция книжного библиотечного дела: историко-теоретическая реконструкция: по материалам земских губерний Урала»). Можно уверенно говорить о том, что в наших исследованиях доминируют большие регионы-провинции (Сибирь, Урал, Поволжье).

Реже авторы вводят в дополнение к территориальным обозначениям природно-географического характера терминологические определения для обозначения единиц территориальных делений (таких как «регион», «район», «край»): так поступили М. В. Курмаев («Библиотеки Пензенского края: история создания и развития: Конец XVIII – начало XX вв.») и Ю. В. Гушул («Возникновение и развитие библиографических служб областных универсальных научных библиотек: 1918 – 1961 гг.: на материале Уральского региона»). Термины эти не имеют общепринятых нормативов употребления; существует значительное количество авторских трактовок, что позволяет говорить, что использование их без уточнения – не самый лучший для диссертанта вариант.

В ряде случаев авторы вводят в название прилагательное, указывающее на этническую принадлежность и, таким образом, успешно решают проблему поиска обобщающего названия территории, неоднократно ме-

нявшей «имена» (И. Ф. Павлова, «Становление и развитие удмуртской детской книги: 1847 – 1941 гг.»).

Вероятно, самым сложным является изучение исторического прошлого тех современных административно-территориальных делений, которых не было на карте дореволюционной России (то есть они не были административно обособлены). Таких административно-территориальных делений у нас немало. По данным С. А. Тархова в 1917 – 1921 гг. возникло 8 новых территориальных единиц, действующих поныне (Алтайская, Брянская, Екатеринбургская, Мурманская, Омская, Челябинская). В послевоенное время к ним добавилось еще 6 (Калининградская, Липецкая, Курганская, Новосибирская, Кемеровская, Магаданская)³. Имеет ли право на существование такой метод исторической ретроспекции, когда современные границы «опрокидываются» в прошлое? Потребность в кумуляции краеведческого материала существует. Как решать эту исследовательскую задачу?

Изучение авторефератов диссертаций показывает, что подобные работы – не редкость. Вопрос с территориальными границами авторы решают по-разному:

– *на уровне использования исторически устоявшегося неофициального «второго» названия региона* (Кузбасс – Кемеровская область: Е. С. Сергеева, «Книжное дело в Кузбассе: XIX – XX вв.»). К сожалению, не все «вторые» названия уже приняты научной общественностью. Так, в начале 1990-х гг. в работах историков В. В. Менщикова, Г. Г. Павлуцких и В. А. Никитина⁴ было введено понятие «Южное Зауралье». Это послужило отправной точкой для научного обоснования объективности существования, данного историко-географического района.

– *на уровне формулировки темы*, вводя в нее всю необходимую информацию по территориальной «привязке». Например: Р. А. Гильмиянова, «История библиотек Башкортостана второй половины XVI – начала XX вв.: По материалам Оренбургской и Уфимской губерний». В данном случае автор вынес в основное название диссертации современное название Республики Башкортостан, а в уточняющем заглавии указал название более раннего по времени административно-территориального деления (Оренбургская губерния) и позднейшее название отделившейся от нее и обретшей административную самостоятельность Уфимской губернии.

– *на уровне обоснования территориальных границ исследования во введении к работе*. Подобное обоснование есть, например, в диссертации И. В. Рочевой «Библиотеки Коми АССР в 1918 – 1941 гг.», во введении к которой отмечено: «Территориальные рамки исследования охватывают территорию Усть-Сысольского и Яренского уездов Северо-Двинской губернии и Печорского уезда Архангельской губернии (в рамках волостей, вошедших в 1921 г. в состав Коми автономной области) – в 1918 – 1921 гг.;

территорию Коми автономной области – в 1921 – 1936 гг.; территорию Коми АССР – в 1936 – 1941 гг.»⁵. Правда, приведенный текст сложно назвать обоснованием; скорее это фактографическая справка об изменении внутренней структуры административно-территориального деления. Не совсем понятно, почему в названии указано «Коми АССР», если до 1921 г. ее просто не было, а с 1921 по 1936 гг. она была Коми автономной областью?

– *на уровне игнорирования проблемы*: докторская диссертация Е. К. Ивановой «Библиотечное дело в Чувашии: история, тенденции становления и развития (XVIII – первая половина XX в.)», в тексте которой вообще отсутствует упоминание о территориальных границах. Естественно, что этот вариант является наименее корректным.

Заметим, что почти во всех выявленных диссертациях практически отсутствует обоснование избранных исследователем территориальных границ. Исключение составляет диссертация С. В. Харитоновой «Библиотеки просветительных обществ российской провинции второй половины XIX – начала XX вв. (на примере Поволжья)», автор которой емко и кратко так характеризует географические границы исследования: «Географические рамки исследования охватывают губернии Верхнего, Среднего и Нижнего Поволжья (Ярославская, Костромская, Нижегородская, Казанская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Астраханская). Данная обширная территория на протяжении XIX – начала XX вв. неоднократно подвергалась административно-территориальному переустройству. Связующим и объединяющим началом поволжских земель выступала река Волга, являвшаяся естественной транспортной артерией. Между губерниями Поволжья существовали тесные экономические и культурные связи»⁶.

Из всего вышесказанного можно сделать два вывода.

Первый. В настоящее время определение территориальных рамок в историко-книжно-библиотечных исследованиях носит во многом произвольный и субъективный характер. Для повышения качества историко-региональных исследований нужна теоретико-методологическая «подпитка» со стороны исторической регионалистики (уточнение понятия «регион», выявления критериев определения его границ).

Второй вывод, хотя и выходит за рамки заявленной темы, все же заслуживает внимания. Течь идет о значительном потенциале региональных историко-библиотечных и историко-книговедческих исследований. Из многочисленных российских регионов относительно хорошо изучена Сибирь, в меньшей степени – Урал и Поволжье. В остальном исследовательское поле провинциальной книжно-библиотечной истории представляет собой почти сплошное «белое пятно». Поэтому историки обеспечены работой на долгие годы вперед.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Тархов С. А.* Историческая эволюция административно-территориального и политического деления России // Регионализация и развитие России : географические процессы и проблемы. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 191–213.

² *Латто Г. М.* Города – центры единиц административно-территориального деления России // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / под ред. О. Глезер и П. Поляна. М.: ОГИ, 2005. С. 96–110.

³ *Тархов С. А.* Историческая эволюция административно-территориального и политического деления России // Регионализация и развитие России: географические процессы и проблемы. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 191–213.

⁴ *Менщиков В. В.* Заселение Южного Зауралья в XVII–XIX вв. / В. В. Менщиков, Г. Г. Павлуцких, В. А. Никитин. Курган, 1992; *Менщиков В. В.* Освоение Южного Зауралья в XVII–XIX вв. / В. В. Менщиков, Г. Г. Павлуцких, В. А. Никитин. Курган, 1993; *Менщиков В. В.* Социально-политическая история Южного Зауралья в XVII–XIX вв. / В. В. Менщиков, Г. Г. Павлуцких, В. А. Никитин. Курган, 1994.

⁵ *Рочева И. В.* Библиотеки Коми АССР в 1918–1941 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2005. 15 с.

⁶ *Харитонова С. В.* Библиотеки просветительных обществ российской провинции второй половины XIX – начала XX вв.: (на примере Поволжья). Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Самара, 2004. 18 с.